

Опыт советской педагогики в контексте современности

Научная статья
УДК 32.019.5
DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43

**Историческая политика 2000-х годов в области образования
на примере трактовок сталинского периода в учебнике
А. В. Филиппова и А. А. Данилова**

Вячеслав Александрович Фисюков

Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация, v.fisyukov@g.nsu.ru

Аннотация. Во второй половине 2000-х гг. в России постепенно складываются механизмы реализации исторической политики. Одним из ее ключевых элементов стала разработка и продвижение с помощью административных ресурсов, несмотря на серьезную критику в академической и педагогической среде, учебника по новейшей истории А. В. Филиппова и А. А. Данилова. На основе представленного в нем материала, формулировок вопросов и заданий в конце параграфов, методических рекомендаций для учителей по темам о послевоенном развитии СССР (1945—1953) определены инструменты выстраивания охранительного нарратива. Использование критического дискурса-анализа позволило выявить специфические способы идеологической индоктринации в преподавании истории для старших классов. Вполне закономерно семантические конструкции, формирующие антизападный контекст, шире представлены в первой главе с описанием послевоенной конфронтации СССР и США, в наименьшей степени — в последней, где дается описание повседневной жизни советских граждан. При этом в конечной редакции учебника не прослеживается апологетики И. В. Сталина и проводимой с 1945 по 1953 г. внутренней и внешней политики, хотя последняя и представлена в бинарных категориях, акцентирующих враждебность Запада во главе с США. Скорее можно отметить нормализацию трактовок описываемого периода с эпизодическим умалчиванием о «неудобном прошлом».

Ключевые слова: учебник А. В. Филиппова, А. А. Данилова, И. В. Сталин, историческая политика, критический дискурс-анализ, экстернализация, «карамзинская схема», селективное забвение

Для цитирования: Фисюков В. А. Историческая политика 2000-х годов в области образования на примере трактовок сталинского периода в учебнике А. В. Филиппова и А. А. Данилова // Сибирь гуманитарная. 2023. № 3. С. 35—43. DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43.

Experience of Soviet pedagogy in the context of modernity

Original article

Historical policy of the 2000s in the field of education on the example of interpretations of the Stalinist period in textbook by A.V. Filippov and A.A. Danilov

Vyacheslav A. Fisiukov

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, v.fisyukov@g.nsu.ru

Abstract. In the second half of the 2000s, mechanisms for the implementation of historical policy are gradually taking shape in Russia. One of its key elements was the development and promotion with the help of administrative resources, despite serious criticism in the academic and pedagogical environment, of a textbook on modern history by A.V. Filippov and A.A. Danilov. V. Filippov and A.A. Danilov. On the basis of the material presented in it, the wording of questions and tasks at the end of paragraphs, and methodological recommendations for teachers on topics about the postwar development of the USSR (1945-1953), the tools for building a protective narrative are identified. The use of critical discourse analysis allowed us to identify specific ways of ideological indoctrination in history teaching for high school students. It is quite natural that semantic constructions that form an anti-Western context are more widely represented in the first chapter describing the post-war confrontation between the USSR and the USA, and to the least extent - in the last chapter, where the everyday life of Soviet citizens is described. At the same time, the final edition of the textbook does not contain any apologetics of Stalin and the domestic and foreign policy pursued from 1945 to 1953, although the latter is presented in binary categories emphasizing the hostility of the West led by the United States. We can rather note the normalization of the interpretations of this period with occasional silence about the “inconvenient past”.

Keywords: A.V. Filippov, A.A. Danilov textbook, Stalin, historical policy, critical discourse analysis, externalisation, Karamzin scheme, selective forgetting

For citation Fisiukov V.A. Historical policy of the 2000s in the field of education on the example of interpretations of the Stalinist period in textbook by A.V. Filippov and A.A. Danilov. *Siberia Humanitarian*. 2023;(3):35—43. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2023-3-35-43.

Влияние школьного образования на процессы социализации и самоидентификации подрастающих поколений сложно переоценить. Особенное значение в этом контексте приобретают общественные науки, которые призваны в первую очередь воспитывать гражданственность, патриотизм и правовую культуру, — речь идет об обществознании и истории. О способах преподавания истории в рамках одного из самых резонансных учебников и пойдет далее речь. При этом стоит отдельно подчеркнуть, что основное внимание уделялось не столько фактологическим неточностям, сколько ответу на вопрос: *как именно* авторы учебника выстраивали нарратив, какими инструментами они объединяли разные элементы повествования?

Эмпирической базой исследования стали книга для учителя А. В. Филиппова [1], созданный на ее основе учебник по новейшей истории России с 1945 по 2008 г. под редакцией А. А. Данилова [2] и методическое пособие к нему [3]. Вместе они образуют целостный нарратив, позволяющий педагогам определенным образом расставить акценты при изложении материала и тем самым сформировать у учеников как «образ самих себя», так и «образ других народов» [4, с. 6].

Понятие «историческая политика» используется в статье в том смысле, которое ему придал А. И. Миллер: это совокупность методов, предполагающих «использование административных и финансовых ресурсов в сфере

истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [5, с. 19]. К такому он относит формирование специальных институтов, утверждающих интерпретации, отвечающие интересам определенных политических сил, вмешательство в работу СМИ, контроль над архивами, разные формы поощрения лояльных историков и, наконец, разработку и продвижение с использованием административного ресурса конкретного учебника и корректировку образовательных программ в выгодном для правящей элиты свете [5, с. 19]. В российских реалиях 2000-х гг. проявлениями этих механизмов было и формирование специальной Комиссии по противодействиям попыткам фальсификации при президенте Российской Федерации, и предложение С. Шойгу о введении уголовного наказания за «неправильные» трактовки событий Второй мировой войны [6, с. 338], и, например, создание фонда «Историческая память» под руководством одного из ключевых и по сей день акторов российской исторической политики А. Дюкова. Наконец, важным и широко обсуждаемым элементом стал учебник за авторством А. В. Филиппова и А. А. Данилова.

Нарратив его первых четырех параграфов и методических рекомендаций к ним рассматривался с помощью критического дискурс-анализа Т. ван Дейка, причем особое внимание уделялось общему стилю, лексике, семантическим уловкам («Мы не имеем ничего против, но...») [7, с. 99—100, 272—273], частому и последовательному использованию слов и выражений в кавычках для выражения некоторого сомнения и дистанцированности автора по отношению к тому, что он пишет [7, с. 177]. Дискурс-анализ уточнялся одной из предложенных А. Ассман «стратегией вытеснения» памяти о «неудобном прошлом» — экстернализацией, т. е. отрицанием собственной вины и приписыванием ее другому, приобретающей либо наступательные («Это был он!»), либо оборонительные формы («Это был не я, а другие!») [8, с. 184]. Еще одним концептуальным дополнением послужила так называемая карамзинская схема выстраивания школьного нарратива, подробно описанная Н. П. Соколовым. Ее главные характеристики: Россия идет особым путем, постоянно находится в состоянии осажденной крепости, поэтому необходим могущественный правящий центр, способный аккумулировать важные ресурсы для противостояния внешним врагам; права и свободы граждан в таком постоянном противостоянии второстепенны и не идут ни в какое сравнение с потребностью в сохранении единства народа [9].

Наконец, применяемое в статье понятие «государственнический» нарратив в целом соответствует концепции государственной школы, выделенной И. Куриловой в качестве одного из возможных вариантов интерпретаций российской истории (приоритетное внимание к строителям державы, частое умалчивание о преступлениях государства в прошлом и т. д.) [10, с. 18].

Разработка книги для учителя началась еще в 2006 г., когда А. Филиппову и А. Данилову было поручено (с высокой степенью вероятности администрацией президента, откуда же поступили и ориентиры для формирования оценок исторических персоналий [11]) написать новые учебники по истории. В 2007 г. книга вышла в свет и на одной из педагогических конференций была представлена министром образования А. Фурсенко и заместителем главы администрации президента В. Сурковым [6, с. 334]. После этого делегаты отправились на встречу с В. В. Путиным, который тогда же в качестве негативной тенденции обозначил написание многих учебников на зарубежные гранты [12].

Параллельно с обсуждением концепции готовящегося учебника вступают в силу изменения к закону «Об образовании», обязывающие педагогов выбирать учебные пособия лишь из списка, утвержденного Министерством просвещения [13]. В декабре созданный на основе книги для учителя учебник по новейшей истории был допущен к преподаванию и отправлен на апробацию в регионы [13].

Подход авторов к отбору и нарративному оформлению материала подвергся серьезной общественной критике. Отмечался явный антизападный контекст, обозначение государственности как точки отсчета всех интересов страны [14], учебное пособие сравнивалось с «Кратким курсом истории ВКП» [15]. Фактическим подтверждением того, что он был написан по заказу администрации президента стал значительный тираж в 250 тысяч экземпляров, в то время как обычное число копий составляло 10—15 тысяч, и наличие специального параграфа в финальной главе «Курс на суверенную демократию» с описанием установившегося тогда политического режима в концептуальных рамках ключевой идеологии «Единой России» [6, с. 336—337]. Ее автор, член политсовета «Молодой Гвардии» и сотрудник Фонда эффективной политики П. Данилин, отличился наиболее резким ответом на критические замечания: «Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, но учить детей вы будете по тем книгам, которые вам дадут и так, как нужно России» [16]. А. В. Филиппов же заявлял, что книга для учителя не является учебником, поэтому ее материал, в том числе полемический, изначально был рассчитан главным образом на преподавателей [14]. Необходимость составления именно такого учебника он объяснил потребностью создания ответа «педагогической русофобии» со стороны «наших соседей» [17].

Далее рассмотрим вступление, первые четыре параграфа пособия А. В. Филиппова, А. А. Данилова и сопутствующие им методические материалы. В первом из них описывается постепенное нарастание конфронтации между СССР и США после войны. На первой же странице говорится, что Советский Союз «вынес на своих плечах основную тяжесть войны», затем описываются его катастрофические потери. Но эти суждения сопровождаются указаниями на США, которые «из всех союзных держав в годы войны пострадали менее всего», а американская экономика только укрепилась, «развивалась успешно» во время отгремевшего мирового конфликта [2, с. 7—8]. То есть совершенно необходимое описание чудовищных потерь СССР в этой войне оба раза «уравновешивалось» гораздо более благополучным положением США, причем эти суждения встречаются не в начале и в конце параграфа, не при подведении промежуточных итогов, а в качестве повторения одной и той же мысли буквально с разрывом в три абзаца.

Любопытно, какие контекстуальные изменения претерпел один довольно важный промежуточный вывод, изначальный вариант которого в книге для учителя звучал следующим образом: «И СССР, и США внесли свой вклад в развязывание „холодной войны“. Однако инициатива все-таки принадлежит США» [1, с. 16]. Такая семантическая конструкция, основанная на противопоставлении, четко расставляет смысловые акценты и превращает союз «однако» в довольно важный элемент нарратива, содержащий даже некоторые элементы наступательной экстернализации. В учебнике эта формулировка была немного сглажена после слов «свой вклад в ее развязывание» [2, с. 13] появилось уточнение «и несут свою долю ответственности», но первоначальная семантическая направленность осталась неизменной.

Для противопоставления СССР наступательной риторике США, в том числе словам Г. Трумэна о том, что победа во Второй мировой войне «поставила американский народ перед необходимостью править миром» [2, с. 7], используется, по сути, та же лексика: «...давление со стороны США привело не к отступлению, а к расширению сферы влияния СССР. „Империя Сталина“ по территории превосходила все евроазиатские державы, даже империю Чингисхана» [2, с. 22]. Методическим дополнением этого тезиса становится специальное задание в пособии для учителя: показать сеть военных баз США и НАТО в Европе 1945—1953 гг. [3, с. 10]

Наконец, несмотря на односторонность трактовок в тексте, задания в конце параграфа предполагают обращение к разным мнениям: например,

предлагается подготовить вопросы к дискуссии «Альтернативы послевоенного развития мирового сообщества» или же самостоятельно решить и сформулировать, кто виновен в развязывании холодной войны (варианты: Запад, СССР, обе стороны). Этот же мотив продолжается в задании составить справочник-энциклопедию с определением «роли каждого исторического деятеля» в послевоенной конфронтации [2, с. 24—25].

В тексте второго параграфа о восстановлении и развитии экономики особенно стоит выделить следующий тезис: «Сыграло роль также использование труда заключенных и военнопленных. Однако эту роль не следует преувеличивать...». Такая семантическая конструкция, вновь включающая противопоставляющее местоимение, привлекла довольно много внимания критиков, ведь подобным образом построенная мысль, во-первых, в довольно неосторожной форме касается важного эпизода трудного прошлого, т. е. событий минувшего, связанных с преступлениями государства, во-вторых, последующее указание на то, что численность заключенных и военнопленных «не превышала 6,4 % от общего числа рабочих и служащих» [2, с. 35], призвано частично нормализовать проблемный исторический момент. Как в одном из прошлых примеров, в книге для учителя этот тезис звучал немного иначе, вначале говорилось: «*Определенную* роль сыграло...», а затем следовало более развернутое пояснение, нежели в учебнике: «...максимальное население ГУЛАГа составляло 2,6 млн человек (в 1950 г.), в то время как общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялась 40,4 млн человек». При этом некоторые критики отмечали, что в представленные авторами 6,4 % не входили заключенные тюрем и спецпоселений, а число последних в описываемое время превышало количество людей в лагерях [14]. В параграфе в принципе ничего не говорится о спецпоселенцах, лишь размещается фотография с подписью «В землянке „спецконтингента“ на строительстве железной дороги. 40-е гг.» [2, с. 34]. На ней же основывается рекомендуемое учителям задание из методического пособия: составить по этой фотографии рассказ о быте спецпоселенцев [3, с. 16]. То есть довольно односторонний основной нарратив расширяется лишь с помощью дополнительных заданий.

На примере нарратива третьего параграфа о политическом развитии в послевоенные годы особенно заметны исправления в учебнике по сравнению с первоначальным текстом книги для учителя. Так, сравнительной особенностью изложения фрагмента про национальную политику было большое количество слов и выражений в кавычках: целых двенадцать всего на три страницы. И если в большей части случаев это может быть как-то оправдано контекстом, то, например, выражения по типу «народы, „наказанные“» общей ссылкой по подозрению в сотрудничестве с немцами» или же «культурные и научные организации „положенного“ уровня для каждого национального образования» [1, с. 51—53] порождают некоторую двойственность восприятия, содержат никак не оправданную контекстом эмоциональную окраску и будто лишают субъектности описываемое явление. Еще одно контекстуальное исправление было сделано, скорее всего, под влиянием общественной критики, так как сразу несколько авторов упомянули следующую формулировку: «СССР (было изменено в учебнике на «Все республики СССР») предоставил безвозмездную помощь Туркмении, пострадавшей в 1948 г. от страшного землетрясения» [2, с. 46]. Вызывало вопросы построение предложения, ведь получалось, что вполне естественная переброска необходимых ресурсов внутри единого государства интерпретировалась как благотворительность со стороны СССР, понимаемого в этом контексте как «Российское государство» [12].

Текст четвертого параграфа, посвященный повседневной жизни советского общества в послевоенные годы, оказался нейтральным — какие-то явные элементы «государственного» нарратива в нем не присут-

ствуют. Напротив, помимо описания быта, отдыха и развлечений граждан говорится об «идеализации советской действительности», прижизненной мифологизации фигуры Сталина. Раскрывается и процесс идеологизации науки и искусства, возврат к антирелигиозной пропаганде [12, с. 55—64]. При анализе этой части текста вспомнилась фраза замминистра образования Исаака Калины, который еще в августе 2007 г. высказался по поводу книги А. В. Филиппова, А. А. Данилова: нужно изучать историю по учебнику, «который написан не в логике милиционера, это оставим науке, а в логике бабушки, которая старается сформировать у моих детей и внуков позитивное отношение к моей семье, даже если в ней были какие-то трудные моменты» [14]. Такой «семейный» подход к пониманию истории, связанный с обращениями к индивидуальной и семейной памяти, встречался и в заданиях других параграфов. Например: найти семейные фотографии периода 1945—1953 гг. и узнать, при каких обстоятельствах они были сделаны [2, с. 14].

Отдельного внимания заслуживает глава «Споры о роли Сталина в истории» из книги для учителя, которая не была включена в последующем в текст учебника. В ней причудливым образом смешивается упомянутая ранее «карамзинская схема» и мотив Сталина как «эффективного менеджера». Так, элементы «карамзинской схемы» проявляются в следующих тезисах: «Власть первого лица государства в России *традиционно* имела всеобъемлющий характер, стягивала все ресурсы и подчиняла себе все политические силы» [1, с. 82]. К этой же области относится замечание насчет повторения в советских реалиях «известной по предшествующим этапам российской истории необходимости выживания и развития в ситуации „осажденной крепости“» [1, с. 85]. То есть А. В. Филиппов даже без каких-то явных изменений транслирует сформулированную еще два столетия назад идею об идущем своим особым путем российском государстве, которое для противодействия внешним врагам вынуждено постоянно концентрировать все ресурсы и, если придется, для защиты целостности народа поступаться правами человека [9].

Мотив Сталина как «эффективного менеджера» содержится в тезисе о существовании «*рациональных* причин использования насилия для обеспечения предельной эффективности правящего слоя» и применении репрессий в первую очередь для достижения «*максимальной эффективности* управленческого аппарата», который и был поэтому их приоритетной жертвой [1, с. 88—90]. Вместе с тем мобилизационная политика Сталина в разной степени сравнивается с действиями Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II, Отто фон Бисмарка и П. А. Столыпина — выстраивание такого широкого исторического контекста, даже если отбросить факт проведения столь неоднозначных параллелей между совершенно разными деятелями, тоже отчасти способствует нормализации Сталина как политика, помещает его в один ряд с другими государственниками.

При всем этом глава называется «Споры...», т. е. предполагается хотя бы некоторое отражение разных точек зрения на дискуссионную проблему. Но какой-то контраргумент выстроенной до этого позитивной репрезентации Сталина присутствует лишь в самом последнем абзаце, где в общих чертах замечается, что это был период «жесточайшей эксплуатации населения», «волн крупных репрессий», «истребления целых общественных слоев», низкого уровня жизни. Заканчивается же такое краткое перечисление негативных сторон следующим довольно странным резюмирующим замечанием: «Все это не способствовало укреплению нравственного климата в стране» [1, с. 93—94]. Исходя из содержания главы, гораздо вернее обозначить ее не в качестве «споров», а в виде аргументов за нормализацию сталинского периода.

Итак, наибольшее число семантических конструкций, формирующих государственный нарратив и антизападный контекст, представлено в первом параграфе с описанием послевоенной конфронтации СССР и США, при этом последняя часть, описывающая повседневную жизнь советских граждан, практически свободна от таких элементов. Несмотря на односторонность основного текста учебника, задания после параграфа часто предполагают поиск альтернативных точек зрения. При анализе удалось выделить специфические методы построения подобного нарратива: повторение семантически важных конструкций, наслоение слов в кавычках, вносящих двойственность в контекст, использование семантических противопоставлений.

Учебник, созданный на основе резонансной книги для учителя, — осторожный, но планомерный шаг на пути к нормализации фигуры И. В. Сталина, его помещения в рамки селективного забвения, т. е. вполне естественного для любого общества фильтра, отсеивающего воспоминания об одних событиях и персоналиях и, наоборот, сохраняющего информацию о других [18, с. 39]. Правда, в этом контексте важная медиаторская функция учебника между профессиональной исторической наукой и образовательным процессом [19, с. 280] едва ли может стать инструментом селективного забвения из-за распространения и укрепления мотивов «карамзинской схемы» в школьных пособиях, их превращения в ключевой элемент исторической политики.

Наконец, стоит специально отметить, что работать пришлось лишь с третьей редакцией учебника — его самую первую версию ни в электронном формате, ни в печатном виде найти не удалось. По крайней мере, НГОНБ и ГПНТБ ей точно не располагают. Поэтому анализ самой первой редакции и сопоставление именно ее с книгой для учителя — отдельная исследовательская задача. Равно как и рассмотрение учебника А. В. Филиппова и А. А. Данилова, но уже по истории России 1900—1945 гг., обсуждение которого спровоцировало новый виток общественной дискуссии.

Список источников

1. Филиппов А. В. Новейшая история России: 1945—2006 гг. : книга для учителя. М., 2007. 494 с.
2. История России, 1945—2008 гг. 11 класс / под ред. А. А. Данилова. М., 2009. 368 с.
3. Данилов А. А. История России: 1945—2008 гг. : метод. пособие. М., 2008. 176 с.
4. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / [перевод с фр. Е. И. Лебедевой]. М. : Книжный Клуб 36,6, 2010. 480 с.
5. Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в 21 веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7—60.
6. Миллер А. И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в 21 веке. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 328—367.
7. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
9. Соколов Н. Век сурка, или Краткая история коловращения российских учебников истории // ПОЛИТ.РУ. 2008. 15 окт. URL: <https://polit.ru/article/2008/10/15/history/> (дата обращения: 30.11.2022).
10. Курилла И. И. Битва за прошлое: как политика меняет историю. М. : Альпина Паблишер, 2021. 232 с.
11. Качуровская А. Исторический припадок // Коммерсантъ Власть. 2007. 16 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/782464> (дата обращения: 18.12.2022).
12. Шульга Т. Какая история нужна современной России? Обзор учебников и пособий по новейшей истории России // РУССКИЙ ВОПРОС. 2009. Вып. 2. URL: http://www.russkiivopros.com/ruskii_vopros.php?pag=one&id=279&kat=6&csl=42 (дата обращения: 07.12.2022).

13. Минобрнауки допустило скандальный учебник по истории России на обкатку в регионы // RuFox. 2007. 26 дек. URL: <https://news.rufox.ru/texts/2007/12/26/33242.htm> (дата обращения: 30.11.2022).
14. Сендеров В. Тяжба о цене катастрофы // Знамя. 2008. № 11. С. 164—174. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3741> (дата обращения: 30.11.2022).
15. Кашин О. В поисках «Краткого курса» // Независимая газета. 2007. 3 июля. URL: https://nvo.ng.ru/ng_politics/2007-07-03/9_kurs.html (дата обращения: 22.11.2022).
16. Академические дразги // LIVEJOURNAL. 2007. 25 июня. URL: <https://leteha.livejournal.com/502209.html> (дата обращения: 07.12.2022).
17. Таратута Ю. Суверенную демократию будут изучать в школе // Коммерсантъ. 2007. 27 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/840253> (дата обращения: 30.11.2022).
18. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей / сост., пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
19. Огоновская И. С. Школьный учебник отечественной истории. Учебные издания как исторический источник // Документ. Архив. История. Современность. 2011. Вып. 12. С. 264—286.

References

1. Filippov A.V. Noveishaya istoriya Rossii: 1945—2006 gg. [Modern history of Russia: 1945—2006], kniga dlya uchitelya. Moscow, 2007. 494 p.
2. Istoriya Rossii, 1945—2008 gg. 11 klass [History of Russia, 1945—2008. Grade 11], A.A. Danilova (ed.). Moscow, 2009, 368 p.
3. Danilov A.A. Istoriya Rossii: 1945—2008 gg. [History of Russia: 1945—2008], metodicheskoe posobie. Moscow, 2008, 176 p.
4. Ferro M. Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira [How history is told to children around the world]. Moscow, Knizhnyi Klub 36.6, 2010, 480 p.
5. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [Istoricheskaya politika v 21 veke]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 7—60.
6. Miller A.I. Istoricheskaya politika v Rossii: novyi povorot? [Historical policy in Russia: a new turn?], Istoricheskaya politika v 21 veke [Historical politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, pp. 328—367.
7. Van Deik T.A. Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii [Discourse and power: Representations of dominance in language and communication]. Moscow, LIBROKOM, 2013, 344 p.
8. Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 328 p.
9. Sokolov N. Vek surka, ili Kratkaya istoriya kolovrashcheniya rossiiskikh uchebnikov istorii [The age of the groundhog, or a brief history of the circulation of Russian history textbooks], *POLIT.RU* [POLIT.RU], 2008, 15 okt. Available at: <https://polit.ru/article/2008/10/15/history/> (accessed: 30.11.2022).
10. Kurilla I.I. Bitva za proshloe: kak politika menyaet istoriyu [The battle for the past: how politics is changing history]. Moscow, Al'pina Publisher, 2021, 232 p.
11. Kachurovskaya A. Istoricheskii pripadok [Historical seizure], *Kommersant* "Vlast' [Kommersant Vlast'], 2007, 16 iyulya. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/782464> (accessed: 18.12.2022).
12. Shul'ga T. Kakaya istoriya nuzhna sovremennoi Rossii? Obzor uchebnikov i posobii po noveishei istorii Rossii [What kind of history does modern Russia need? Review of textbooks and manuals on modern Russian history], *RUSKII VOPROS* [THE RUSSIAN QUESTION], 2009, issue 2. Available at: http://www.ruskiivopros.com/ruskii_vopros.php?pag=one&id=279&kat=6&csl=42 (accessed: 07.12.2022).
13. Minobrnauki dopustilo skandal'nyi uchebnik po istorii Rossii na obkatku v regiony [Ministry of Education and Science admits scandalous Russian history textbook for testing in the regions], *RuFox*, 2007, 26 dek. Available at: <https://news.rufox.ru/texts/2007/12/26/33242.htm> (accessed: 30.11.2022).
14. Senderov V. Tyazhba o tsene katastrofy [The price tag of a catastrophe], *Znamya* [Znamya], 2008, no. 11, pp. 164—174. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=3741> (accessed: 30.11.2022).
15. Kashin O. V poiskakh «Kratkogo kursa» [In search of the "Short Course", *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya gazeta], 2007, 3 iyulya. Available at: https://nvo.ng.ru/ng_politics/2007-07-03/9_kurs.html (accessed: 22.11.2022).

16. Akademicheskie dryazgi [Academic squabbles], *LIVEJOURNAL*, 2007, 25 iyunya. Available at: <https://leteha.livejournal.com/502209.html> (accessed: 07.12.2022)
17. Taratuta Yu. Suverennuyu demokratiyu budut izuchat' v shkole [Sovereign democracy will be taught in school], *Kommersant* [Kommersant], 2007, 27 dek. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/840253> (accessed: 30.11.2022).
18. Assman A. Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriei [Oblivion of history is an obsession with history], ed. B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 552 p.
19. Ogonovskaya I.S. Shkol'nyi учебник otechestvennoi istorii. Uchebnye izdaniya kak istoricheskii istochnik [School textbook of national history. Textbooks as a historical source], *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 2011, issue 12, pp. 264—286.

Информация об авторе

Фисюков Вячеслав Александрович — магистрант, Новосибирский государственный университет, Институт философии и права, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Information about the author

Vyacheslav A. Fisiukov — Master's Student, Novosibirsk State University, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: v.fisyukov@g.nsu.ru

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 20.01.2023; accepted for publication 25.01.2023.